

Плейлист

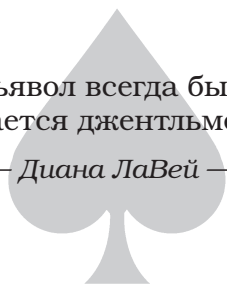
- Cry Like Me — Frances
Creep — Radiohead
Slow Dance — AJ Mitchell
Trampoline — SHAED
Liar — Camila Cabello
Cold Little Heart — Michael Kiwanuka
I See Red — Everybody Loves
an Outlaw
Señorita — Shawn Mendes
and Camila Cabello
Girl — Maren Morris
Someone You Loved — Lewis Capaldi
La Land — Bryce Vine
Dance Monkey — Tones and I

ЧАСТЬ I

Дьявол всегда был
и остается джентльменом.

— Диана Лавей —

Глава первая

---

fernweh (сущ.) — тяга к дальним странствиям

Мила

Задыхаясь от бега, я сбросила туфли на траву и, не останавливаясь, босиком шла по нашей ухоженной лужайке, пока не выбралась на каменистую набережную и не почувствовала, как прохладные волны ласкают пальцы ног и подол вечернего платья. Я тяжело дышала, пот блестел на коже под полной луной. Легкий ветерок трепал мои длинные волосы, шелестел пальмовыми листьями и короткими кружевными рукавами платья, но этот рай стеснял меня так же сильно, как поясок «Диор» на талии.

Десятикилометровой пробежки оказалось недостаточно, чтобы избавиться от жгучего чувства, разгорающегося внутри, хотя море, как всегда, сдерживало меня. У меня чесались руки стянуть жемчуг с шеи, разорвать в клочья платье, как это сделали сестры Золушки, но это разрушило бы образ, который я поддерживала так долго, что уже не знала точно, что скрывается за ним. В итоге вместо этого я впилась ногтями с французским маникюром в ладони.

Должно быть нечто большее, чем это. Больше, чем мир за воротами Причалов. Но желание чего-то иного, нежели жизнь в роскоши, раздуло искры вины у меня внутри. Глядя на залив Бискейн, широкую, бескрайнюю тропу, ведущую к безбрежному океану, я чувствовала себя такой же полудрейфующей-полунеподвижной, как буй, что покачивался на воде.

Единственная разница заключалась в том, что я плыла по течению в море ожиданий.

Я закрыла глаза и мысленно произнесла: *«Je vais bien. Tu vas bien. Nous allons bien. Я в порядке. Ты в порядке. Мы в порядке»*.

Мне позволили побыть одной всего несколько секунд, прежде чем моей спины коснулся Иван. Он встал так, чтобы рукав его пиджака касался моей обнаженной руки.

— Ты не можешь убежать вот так, Мила. — Русский акцент и напряжение сделали его голос грубее.

Мне стало весело, когда я представила мрачного Ивана, преследующего меня по улицам Майами в деловом костюме, но веселье исчезло вместе со следующей волной, омывшей камни.

— Если будешь преследовать меня как маньяк, это кончится тем, что я в тебя влюблюсь, — сухо ответила я.

Он бросил на меня взгляд.

— Ты знаешь, что это моя работа.

Много лет назад папа привез Ивана из одной деловой поездки в Москву. Тринадцатилетняя я считала его, парня на восемь лет старше, самым красивым мальчиком, которого когда-либо видела. Я влюбилась в его акцент и плохое знание английского и унижалась, таскаясь за ним по нашему просторному дому в испанском колониальном стиле.

А теперь он преследует меня.

Одна рука в кармане брюк, другая протягивает маленькую бархатную коробочку.

— От твоего папы.

Я долго смотрела на коробку, прежде чем взять и открыть ее. Голубые серьги в форме сердца. Папа всегда говорил, что сердце у меня нараспашку. Камни были фальшивыми. Он знал, что я никогда не надену настоящие, после того как увидела в подростковом возрасте фильм «Кровавый алмаз».

Это был не первый раз, когда он откупался подарками после того, как пропускал важное для меня со-

бытие. Вот только теперь я не могла больше отгонять это зарождающееся *подозрение*.

— Надеюсь, обошлось без растяжений, — говорю я. Иван бросил на меня вопросительный взгляд.

— Тяжелая работа — рыться в папином ящике с подарками.

Вздыхнув, он провел пальцами по светлым волосам.

— Он заботится о тебе, Мила.

— Да уж, в последнее время он демонстрирует это весьма интересным образом.

— Он очень занят, — заметил Иван. — Ты это знаешь.

Я издала неопределенный звук. Мой папа, должно быть, занят сильнее, чем президент, раз не появлялся последние три месяца. Он пропустил два последних праздника, а теперь — мое двадцатилетие.

Каждый год мы обязательно отмечали мой день рождения за одним и тем же столом в одном и том же пятизвездочном ресторане. Папа заказывал стейк. Я улыбалась Энрике, владельцу и шеф-повару, который лично принимал наши заказы с самого моего детства, и меняла папин заказ на что-нибудь более полезное для сердца. Папа должен следить за холестерином. Я бы волновалась, он бы спорил. Но все равно бы сдался.

Сегодня я два часа просидела там с Иваном и своим безупречным отражением в фарфоровой тарелке. То есть до тех пор, пока торжество по поводу чьей-то годовщины за соседним столом не распространилось на все помещение, разбив мою решимость золотым конфетти. Иван болтал с официанткой в баре, когда я сбежала из ресторана и пробежала девять километров до дома.

— Он никогда не отсутствовал так долго, Иван. — Мой голос стих прежде, чем я сказала: «Что-то не так».

Как обычно, с его губ начали слетать одни и те же общие фразы: «так сильно занят», «важная деловая встреча», «бла-бла-бла». Я игнорировала его, наблю-

дая за одинокой чайкой, парящей над водой. Я завидовала ее крыльям и смелости выпрыгнуть из гнезда, еще не зная, что ты можешь летать. И вот я здесь, заточенная за золотыми воротами от «Диор» со страстным желанием получить папино одобрение.

Я не осознавала, что развернулась и пошла прочь, пока Иван не схватил меня за руку.

— Ты куда?

«Домой», было готово сорваться с уст, но прозвучало нечто совершенно иное, нечто, что потрясло даже меня:

— В Москву.

Действительно ли хладнокровный и собранный Иван Волков побледнел при одном лишь упоминании, или это было плодом моего разыгравшегося воображения? Он отпустил мою руку, его спокойствие приморозило меня к мокрому камню.

— В Москву, — медленно повторил он, будто ослышался.

Я вскинула бровь.

— Столицу России? Место, где я родилась? Там, где...

— *Замолчи*, — сказал он по-русски. — Зачем тебе в Москву?

— Папа теперь там практически живет. Ты же знаешь, он не следит за холестерином. Что, если он болен и не хочет, чтобы я знала?

— Клянусь, он не болен.

Увидев искренность в его глазах, я поверила ему. Это знание сняло часть груза с моих плеч, но добавило новый.

— А вдруг у него какие-то проблемы? — Я встрелась с некоторыми деловыми партнерами папы, и ни один из них не выглядел приятным.

— Чем ты можешь помочь ему, оказавшись там?

— Позвоню в полицию.

Иван не выглядел убежденным. Пристально посмотрев на меня несколько секунд, он перевел взгляд на залив и вздохнул. В этом вздохе звучала напряжен-

ная нотка, словно мысль о том, что я пойду в российскую полицию, одновременно и позабавила, и встревожила его.

Его взгляд вернулся ко мне. Казалось, он не заметил прилива, который промочил его итальянские туфли.

— Ты не знаешь, как там все устроено.

Мои пальцы крепче сжали коробку. Это было правдой только потому, что мне не давали ни капли свободы, но я промолчала.

— Осторожней, Иван, а то лопнешь от всей своей уверенности во мне.

Выражение его лица скорее свидетельствовало об обратном.

— На дворе январь.

— И что?

— Когда в прошлом году мы были в Аспене, ты жаловалась на холод. На улице было минус четыре.

— В минус четыре не холодно только эскимосам, — убежденно ответила я. — Как бы там ни было, я не настолько нежная. Не критически низкие температуры я переживу. — Это был наихудший момент для того, чтобы поднялся сильный ветер и подул холодный фронт с Атлантики. Я подавила дрожь... хотя, конечно же, Иван заметил.

Он снял свой пиджак, накинул его мне на плечи и заправил за ухо прядь моих светлых волос.

— Тебе двадцать. Тебе больше не нужно, чтобы папа держал тебя за руку.

Его слова задели, но я не считала, что прошу многого. Я просто не хотела сидеть у рождественской елки с ним и нашим поваром Борей, ведь им платили за то, чтобы быть со мной. Я не хотела чувствовать себя балериной из музыкальной шкатулки на моем комодe, кружиться в изнуряющем бесконечном пируэте, лишь бы угодить тому, кто бросил меня.

Отчасти дело было даже не во всем этом.

— Как насчет твоего завтрашнего свидания?

— Я не хочу идти, — сказала я, отводя взгляд к заливу.

— Почему?

Я молчала, пытаюсь придумать разумный ответ. Иван решит, что я чокнулась, если скажу ему правду.

— Картер нравится твоему папе.

— Может, тогда им стоит встречаться.

— Мила, — строго сказал он.

Годами папа намекал, что был бы счастлив, если бы Картер стал его зятем. Уверена, что это только потому, что отец Картера являлся его деловым партнером и знаменитым адвокатом. Как всегда, я уступила папиной настойчивости, и вот уже шесть месяцев тянулись наши с Картером традиционные отношения.

— Завтра он задаст *тот самый вопрос*, да? — бесстрастно спросила я.

Нелепый вопрос, учитывая, что мы даже не были друг другу верны. Достаточно было заглянуть в TMZ, чтобы узнать, с кем спал двадцатипятилетний плеибой Картер Кингстон. Но он пригласил меня в «Гранд», ресторан, известный предложениями руки и сердца. Скорее всего, его отец подтолкнул его к этой архаичной идее, так же как меня подталкивал мой.

Иван ничего не ответил, но его глаза сказали мне все, что я хотела знать.

Я кивнула, хотя мысль о том, чтобы сказать «да», о том, что я заставлю это слово слететь с моих губ, запирала меня в стеклянной коробке, где медленно заканчивался кислород, и я билась о стены, задыхаясь, кашляя и умоляя о воздухе.

Я подавила это чувство.

— Картер никуда не денется, когда я вернусь.

Иван молчал минуту, прежде чем выложить свой главный козырь.

— Ты знаешь, что твой папа это не одобрит.

Я прикусила губу. Раньше, когда я просила папу сопровождать его в одной из деловых поездок, он отказывался. Но даже в детстве я замечала в его глазах

нечто, искру, говорившую «нет» громче, чем если бы он выкрикнул это слово. Мне никогда, никогда не разрешалось даже упоминать Россию, это было совершенно ясно.

— Я знаю, но его здесь нет, ведь так?

— Ты не поедешь.

Я вытаращилась на него.

Иван мог иногда ворчать, но никогда не указывал мне, что я могу, а чего не могу делать. Ответы всегда были: «Да, Мила», «Конечно, Мила», «Как пожелаешь, Мила». Ребячество. Это был одурманенный, опоясанный мечом Уэстли моих мечтаний*. То есть он никогда не говорил: «Нет, Мила». Ручаюсь, если бы я захотела ограбить банк, он без вопросов стал бы моим напарником. Естественно, потом он бы рассказал все моему папе, но все же надел бы балаклаву вместе со мной.

Подозрение, которое я подавляла с таким трудом, лопнуло, как воздушный шарик, схватив и сжав мое сердце. Что скрывает в России мой папа?

Другую семью?

Единственная мыслимая причина, по которой он мог скрывать от меня нечто таким образом, заключалась в том, что он не хотел, чтобы я присутствовала в их жизни. А следовательно, и в его — тоже.

«Je ne pleurerai pas. Tu ne pleureras pas. Nous ne pleurerons pas. Я не буду плакать. Ты не будешь плакать. Мы не будем плакать».

Спряжения подвели меня, и единственная досадная слеза скатилась по щеке. Иван приподнял мой подбородок, и мягкое прикосновение его большого пальца окутало меня теплом и удовлетворением. Что-то еще заполнило пространство между нами. Притяжение. Влечение. Электрический разряд. Иногда, когда мне особенно не хватало воздуха, искрило сильнее, чем в прочие дни.

Никто из нас никогда не поддавался этому.

---

* Вероятно, отсылка к «Принцессе-невесте».

Моим оправданием была гадалка, к которой я ходила, когда мне было четырнадцать. В этот весьма готичный период я спросила ее, каково мое предназначение. Она нахмурилась, сидя перед хрустальным шаром, а затем сказала, что я найду мужчину, предназначенного мне, и от него у меня перехватит дух. Это был размытый ответ, который она, вероятно, давала каждой, но я никогда о нем не забывала.

Рядом с Иваном дух у меня не перехватывало.

Как и рядом с Картером, несмотря на то что я от скуки экспериментировала с ним.

Не говоря уже о том, что он был невероятно настырным.

Мое время истекало, словно последние песчинки в песочных часах. И все же я ждала. *Большее*. Из-за какой-то глупой идеи, которую мадам Ричи вложила мне в голову.

Это было моим оправданием.

Теперь мне стало интересно, какое оправдание было у Ивана.

Я прижалась к большому пальцу, пробегавшему по моей щеке, и подняла на парня нежный взгляд.

— Почему ты никогда не целовал меня?

— Я не самоубийца, — невозмутимо ответил он.

Уголки моих губ приподнялись. Я никогда не слышала, чтобы мой папа повышал голос, и определенно он не повышал его на Ивана, который был ему практически как сын.

— А если серьезно?

Он мрачно взглянул на меня и опустил руку.

— Больше никаких разговоров о Москве, ладно?

Вздохнув, я кивнула.

Затем проследила, как он идет по лужайке к дому. Мерное покачивание и простор вод Атлантики вселяли тоску и чувство отстраненности от остального мира.

Телефон завибрировал в кармане платья, возникло искушение проигнорировать сигнал, но я все же потянулась за ним.

«Папа: С днем рождения, ангел. Прости, что не приехал. Дела, как обычно. Отпразднуем, когда вернусь домой».

В этот момент пришло еще одно сообщение.

«Папа: Повеселись завтра. Картер тебе подходит».

Я положила телефон обратно в карман и сменила серьги на голубые синтетические бриллианты. Представила, как они сияют, словно «Сердце океана», пока море утаскивает меня на дно, навсегда избавляя от судорожных вздохов, жемчужных ожерелий и одиночества океана.

Это убедило меня. Завтра я буду в *России*.

Глава вторая

---

resfeber (сущ.) — беспокойный стук сердца
перед началом путешествия

Мила

Я утопала в куче одежды, богемной и светской. Первую я чувствовала себя обязанной купить, но никогда не носила. Папа, казалось, безмолвно не одобрял все желтое и нонконформистское, а я всерьез относилась к символу пацифика.

Очевидно, вплоть до текущего момента, когда начала упаковывать в старую спортивную сумку чирли-дера вещи цветом ярче, чем солнце.

Я еще не вырвалась на свободу из Причалов, так что оделась соответствующе: свободная блузка, узкие брюки в клетку и белые ботильоны. Поймав свое отражение в зеркале, я увидела более высокую и менее розовую версию Элли Вудс из «Блондинки в законе», смотрящую на меня.

На пути к двери я остановилась расстегнуть жемчужное ожерелье и положить его в шкатулку с драгоценностями. Завела балерину, заставив ее сделать один пируэт, а затем спустилась на цыпочках по лестнице в три часа ночи.

Проходя мимо двери в спальню Ивана, я замерла, услышав из-за нее женский стон. Иван не был Дон Жуаном, но и монахом тоже не являлся. Иногда, когда папа был в отъезде, я спускалась к завтраку, чтобы обнаружить на кухне полуобнаженную женщину. Это

никогда меня особо не трогало, моя детская влюбленность давно угасла, но сейчас в груди зажегся огонек неприятия.

Он даже не целовал меня раньше «под страхом смерти», а теперь матерится по-русски с какой-то случайной девицей? Хотя было то, что раздражало меня еще сильнее. Он настолько убежден, что я смиренная как овечка, что даже не удосужился усилить бдительность после нашего разговора.

Мои нервы были на пределе, когда я отключала сигнализацию, ожидая, что Боря услышит тихое «бип» и выйдет на звук. Я вздохнула с облегчением, когда никто не появился, но это был лишь первый шаг к тому, чтобы выбраться отсюда. Я тихо закрыла входную дверь и прижалась к ней спиной, уставившись на датчик движения на потолке веранды. При активации включались ослепляющие огни, похожие на сонм ангелов, и раздавался пронзительный сигнал тревоги. Курьеры из служб доставки ненавидели нас.

Задержав дыхание и прижав сумку к груди, я ступила прямо под датчик, надеясь попасть в его слепую зону. Когда двор остался темным и тихим, меня прошиб холодный пот.

Опустившись на живот, я со своей сумкой неуклюже поползла к кустам, вспоминая путь, который нашла, когда была непослушным ребенком, играющим в Джеймса Бонда. Хотя тогда датчик представлялся мне лазером, который отрежет мне руку, если я его активирую. Теперь дыру в спине прожигало папино неодобрение, что, казалось, еще хуже.

Я вылезла по ту сторону кустов, встала, отряхнула брюки и побежала вниз по извилистой улице. Я сомневалась, что мое женское очарование позволит пройти ворота нашего частного района так, чтобы Карл, неряшливый пятничной ночной охранник, не предупредил отца или Ивана, так что я свернула